

- Хм? - с полуприкрытыми веками Цинь Чэн попытался повернуть голову и посмотреть. - Можешь помассировать мне руки и ребра? Так больно... Бл*!

Цзянь Хэн слез с него, сел рядом и легонько ткнул Цинь Чэна указательным пальцем в поясницу.

- Вставай.

Цинь Чэн заерзал от того, что у него все чесалось, глубоко вздохнул и сел. Мышцы живота и те, что между ребер, сжались, вместе причинив ему такую сильную боль, что не осталось сил даже на ругань.

Это был не первый раз, когда Цинь Чэн получал столь серьезные ранения, но раньше он сам всегда бросался в окружение с ножами, пистолетами, палками и дубинками, чтобы спасти тех, кто оказался в опасной ситуации. А потом возвращался весь израненный и просил Тан Ци помочь и спрятать его от матери.

Но сегодня впервые кое-кто пришел ему на помощь, и Цинь Чэну не пришлось повсюду искать убежище. Кое-кто даже намазал его целебным маслом, пока он тут лежал... Это было поистине лучшее лечение, которое он получил за все эти годы.

Это ощущалось... просто волшебю.

По крайней мере, внутри он почувствовал себя более хрупким. В конце концов те, кого спасают, должны быть хрупкими, верно?

- Я сижу? - Цинь Чэн скрестил ноги и вытянул руки вперед. - Разве это не слишком удобно? Почему бы мне не лечь?

Цзянь Хэн взял его руку, выпрямил и намазал на синяк целебное масло.

- Я тебе на спину надавлю, а ты позовешь тетю Сун, чтобы она тебя утешала, пока будешь плакать от боли?

- Как я могу плакать? В моем словаре нет такого слова, как «плакать», - пальцы Цзянь Хэна надавили на предплечье, и свет, падавший сверху, придал суставам особую красоту.

Цинь Чэн отвел взгляд и, погрузившись в воспоминания, уставился на потолок.

- С детства я ни в чем не преуспевал, но я умею терпеть боль, и это реально здорово.

- Я прятался у себя в комнате, чтобы обработать раны и нанести лекарство. Йода дома не было, поэтому я использовал спирт. А во рту держал кусок ткани на случай, если мать узнает. Он начала и до конца я не издал ни звука и не плакал, хотя и потел от боли.

- Разве это не удивительно? - легкомысленно произнес Цинь Чэн, на лице у него даже заиграла легкая улыбка.

Возможно, все дело был в том, что в комнате было слишком жарко или слишком тихо. Цинь Чэн сидел в расслабленной позе, глядя на Цзянь Хэна с необъяснимым значением, смысла которого он сам не осознавал. Цзянь Хэн не говорил ничего, только взгляд у него становился все глубже и глубже.

Цинь Чэн совершенно не обращал внимания на то, что происходило между ними. Он наклонился вперед, выгнув шею, указывая на грудь, и сказал:

- С рукой все в порядке, а вот ребра болят. Можешь сначала их помассировать? Мне кажется, что они вот-вот сломаются... Стальная труба бьет сильнее деревянной палки.

В тот момент, когда Цзянь Хэн надавил на его ребра пальцем, Цинь Чэн вздрогнул. Ребра действительно болели сильнее всего. Раньше бы он стиснул зубы и перетерпел, но сейчас Цинь Чэн походил на нежный цветочек.

- Эй, поосторожнее, - он не только не стиснул зубы, но и сильно дрожал. -Цинь-гэ сейчас вот-вот помрет от боли.

Цзянь Хэн посмотрел ему в глаза и не двинулся с места.

Цинь Чэн смотрел на него в ответ.

Даже под светом выражение лица Цзянь Хэна оставалось неясным. Его тонкие губы сжались в прямую линию, глаза потемнели, и эмоций было не разобрать. Цинь Чэн был ошарашен.

Злитесь? Больше не давит? Не может же быть, правда? Не надо...

Цзянь Хэн сильно давил всей ладонью.

- Бл*! - заорал Цинь Чэн. - Бл*, Бл*, Бл*... Цзянь Хэн!!!

Ощущение того, что по его лицу текут слезы, было поначалу настолько странным, что Цинь Чэн никак на это не отреагировал. Рука Цзянь Хэна все еще лежала на его ребрах, и Цинь Чэн даже не пытался ее оттолкнуть. Она просто продолжала давить.

Боль ненадолго задержалась в костях, а затем устремила прямо в мозг, захватив слезные железы, и слезы хлынули наружу.

- Цзянь Хэн, ты бл**дский... я сам разотру, - Цинь Чэн вытер лицо и выхватил бутылочку с лекарством из рук Цзянь Хэна. Ему потребовалось немало времени, чтобы успокоиться.

- Рано или поздно я тебя убью.

Цзянь Хэн не двигался. Он просто сидел в сторонке и наблюдал, как Цинь Чэн крутится туда-сюда.

Две минуты спустя.

- Цзянь-гэ, - сказал Цинь Чэн с опустошенным выражением лица. Его сердце словно перегорело в пепел. Цинь Чэн поднял взгляд, лоб и шея у него блестели от пота: это было больно.

- Хм, - Цзянь Хэн посмотрел на него с легкой улыбкой в глазах.

- Я был неправ, - Цинь Чэн взял Цзянь Хэна за руку и торжественно вложил ему в ладонь флакончик с лекарством. - Сделай это сам.

Цзянь Хэн рассмеялся.

Цинь Чэн поднял на него взгляд. Только что прозвучавший смешок был тихим и коротким, но Цинь Чэн впервые так близко увидел в подробностях улыбающееся лицо Цзянь Хэна. Это была не та улыбка, которую дарят молодые люди своей матери, а та, в которой чувствовалась нотка насмешки и издевательства.

Лицо Цзянь Хэна лучше всего подходило для самого холодного и притворного выражения, которое Цинь Чэн когда-либо видел. В сочетании с короткой стрижкой это давало впечатление невероятно крутого, холодного и относящегося крайне пренебрежительно к окружающим человека, который при этом еще и вел себя естественно и непринужденно.

Только что он внезапно изогнул губы, и в уголках его рта появилась едва заметная улыбка. Его узкие глаза потеряли свою холодность, и вместо нее там появилось несколько проблесков... нежности?

Это человек был настолько хорош собой, что ему идеально шло любое выражение лица. Цинь Чэн вздохнул. У него мелькнула мысль, что если бы сейчас кто-нибудь назвал Цзянь Хэна невероятно добрым и отзывчивым парнем, то он бы поверил.

Однако вскоре Цинь Чэну стало все равно, выглядит ли Цзянь Хэн добрым или нет.

Возможно оттого, что Цинь Чэн только что заплакал от боли, движения Цзянь Хэна на этот раз были особенно нежными. Пальцы слегка надавили на синяк, затем его медленно коснулась ладонь и осторожно погладила грудь, ребра и мышцы живота. Кожа, которой он касался, был горячей и горела, как в лихорадке... Особенно сейчас, когда они сидели лицом к лицу, и их дыхание переплеталось и сливалось друг с другом.

Становилось еще жарче.

Цинь Чэн всегда считал, что отлично справляется с трудностями. Например, в третьем классе средней школы у одного из одноклассников-омег началась течка, отчего все альфы-ученики покраснели, кроме него. Он спокойно вырубил омегу одним ударом и отнес его в медицинский кабинет, не меняя выражения лица.

Тан Ци тогда говорил: «Цинь-гэ, ты, должно быть в прошлой жизни был монахом! Тебе, раскрасневшись, бросаются в объятия, а ты не сказал ни слова утешения и вместо этого просто его вырубил? П**ец обидно, что ты не подаешь заявку в книгу рекордов Гиннеса за такую решимость!»

Факты доказали, что его «решимость» была на самом деле болезнью, а не природным талантом, и это, бл*дь, не считается. Теперь Цинь Чэн точно знал, что в прошлой жизни монахом не был – потому что он, бл*дь, снова стоял по стойке «смирно».

Цзянь Хэн – ядовитый. Он так просто, медленно и часто поглаживает... Кого ты дразнишь?.. Такое искушение, что пора стихи начинать читать. Точно – ядовитый...

Ситуация пока еще находилась под контролем. По крайней мере, свободные школьные штаны дали Цинь Чэну достаточно времени. Он оттолкнул руку Цзянь Хэна и повел себя как профессионал.

- Ладно, ладно, больше не болит. Я пойду сначала умоюсь, а ты немного отдохни.

Цзянь Хэн отдернул руку. Неизвестно, было ли это сделано намеренно или нет, но кончик его указательного пальца слегка коснулся мышц живота. Цинь Чэн почувствовал, как нервы горят вслед за кончиком пальца – это было короткое и возбуждающее ощущение.

Бл*, да что с этим парнем?

Цинь Чэн опустил ноги на пол, встал, повернулся к нему спиной и вышел, задавая на ходу вопрос:

- Можно мне в ванную?

- Угу, - ответил Цзянь Хэн. - В шкафчике возле ванной есть запасные банные полотенца.

Цинь Чэн тихонько хмыкнул в ответ, подошел к шкафчику и открыл его - зубные щетки, кружки для них, полотенца для рук, лица и банные полотенца были аккуратно разложены на полках. Все в двух экземплярах...

Может, к Цзянь Хэну через пару дней приедет девушка, и поэтому он наготовил столько всего? Цинь Чэн рассеянно подумал, что в этом случае оставаться здесь ему слишком неразумно. Нужно будет спросить, когда найдется время.

У Цинь-гэ и правда маловато денег, но он все-таки может заработать столько, сколько хватит на хостел, если будет еще немного вести стримы.

Ванная оказалась необычайно чистой. Даже зеркало, которое обычно пачкается больше всего, было тщательно протерто. Шампунь, средство для умывания и зубная паста стояли словно военные в строю. В этом плане Цинь Чэн восхищался Цзянь Хэном. Парню нелегко быть таким аккуратным.

Просто сам он был очень неряшливым.

Цинь Чэн снял штаны и повесил их сбоку. Он включил воду, отрегулировал температуру похолоднее и облил ей всю голову. Поливать себя холодной водой было не так уж и больно. Более того, сейчас ему нужна была именно холодная вода...

Ощущение прикосновения рук Цзянь Хэна все еще оставалось в памяти: сильные, колючие, с тонкими мозолями на кончиках пальцы растирали ему кожу и создавали ощущение жара... Оно долго не проходило.

Уши Цинь Чэна немного горели.

Он задавался вопросом, заметил ли Цзянь Хэн это или нет. Если нет, то все нормально. Но если заметил, то как в прошлый раз, когда они ехали на велосипеде, ничего не скажет, а завтра вдруг задаст ему вопрос... Это будет невыносимо.

Цинь Чэну пришлось отвлечься. Он увеличил напор воды, провел рукой по лицу и откинул волосы назад, открывая лоб. Вода, льющаяся на лицо, немного обжигала, стекая по его прямому носу, проходя мимо подбородка, касаясь кадыка и, наконец, капая на ребра, которые недавно растирал Цзянь Хэн.

Цинь Чэн невнятно пробормотал в журчащую воду проклятие, набрал ее в рот и выплюнул. Он уперся рукой в стену, несколько секунд глядя с презрением на некое непристойное место, которое все еще стояло по стойке смирно, а затем начал чистить свое грязное тело и мысли силой знания.

- Мы там, где Сюньяна берег крутой, прощаемся ночью с гостем. На кленах листва и цветы камыша шуршат под осенним ветром... - глубокий, чуть хрипловатый голос разносился по ванной, принося с собой странное чувство благоговения.

Это было единственное стихотворение древнекитайской поэзии, которое Цинь Чэн мог прочитать наизусть. Сначала Лао Сюй швырнула ему в голову книгу и заставила выучить ее наизусть, а после этого он три дня подряд прогуливал уроки китайского, и Лао Сюй сдалась.

- ... Глаза опустила и, вверясь руке, играет она, играет, о том, что на сердце у ней лежит, нам все без утайки скажет, - в сознании мелькнуло прикосновение пальцев Цзянь Хэна.

- Да бл*! - в отчаянии выругался Цинь Чэн.

- Струну прижимает и гладит струну, то книзу, то вверх ударит. Сыграла «Из радуги яркий наряд», «Зеленый пояс» играет, - из-за двери внезапно раздался голос Цзянь Хэна.*

Цинь Чэн аж подпрыгнул и ударил кулаком по двери. Раздался лязгающий звук.

- Разобьешь - будешь платить, - Цзянь Хэн постучал по двери, прислонившись к стене. - Ты забыл банное полотенце.

- О, вода не холодная... А, точно, забыл, - Цинь Чэн прикрылся рукой. Он был так ошарашен внезапным появлением Цзянь Хэна, что у него тут же все упало. Неужели это тот самый легендарный случай, когда «кто повязал колокольчик, тот же его и снял»?*

- Открой, вот твоё полотенце, - сказал Цзянь Хэн.

Цинь Чэн чуть-чуть приоткрыл дверь, быстро выхватил из рук Цзянь Хэна полотенце и тут же ее захлопнул.

Серия быстрых и глупых действий.

Цзянь Хэн посмотрел на свою опустевшую левую руку, веки у него были полуопущены. Спустя некоторое время он медленно ее отвел, скрестил руки на груди и посмотрел на потолок.

В ушах у него звучал плеск воды, который сопровождался приглушенными стонами Цинь Чэна, растиравшего свои синяк. Запах влажной древесины, смешанный с водяным паром, проникал в дверную щель и окружал Цзянь Хэна, вызывая слабый запах благовоний.

Цзянь Хэн замер, а потом направился обратно в спальню. Шагал он при этом необычайно быстро.

Все уже сказано и сделано. А Цинь Чэн – не единственный, кто встал по стойке смирно.

Цинь Чэн вышел из душа. В гостиной никого не было.

- Цзянь Хэн? – Цинь Чэн подошел к спальне. – У тебя есть футболки с длинными рукавами? Одолжи мне одну.

Цзянь Хэн лежал на кровати на боку, словно спал. Услышав его слова, он медленно открыл глаза и указал на шкаф.

- Спасибо, – Цинь Чэн открыл дверцу шкафа. Брать новые вещи было неразумно, поэтому он выбрал комплект черной спортивной одежды, который Цзянь Хэн надевал на утреннюю зарядку.

- Я верну его после стирки.

- Угу, – отозвался Цзянь Хэн.

Цинь Чэн уже собирался стащить с себя полотенце, как вдруг понял, что позади него лежит взрослый живой человек. Все его тело застыло.

Если бы этим взрослым живым человеком был Тан Ци, то Цинь Чэн тут же стянул бы с себя все до нитки и даже, может быть, станцевал стриптиз, но Цзянь Хэн... Сорян, его руки уже слишком нагрелись. Да эти прикосновения за год не забыть.

Хотя совесть у Цинь Чэна была чиста – никаких непристойных мыслей об альфе, особенно он таком альфе, как Цзянь Хэн, который внешне точно выглядел похожим на альфу, – если он будет раздеваться и одеваться в гостиной, как ни посмотри, это могло создать впечатление, что он что-то скрывает.

Цинь Чэн стиснул зубы, топнул ногой и стащил банное полотенце. С невероятной скоростью, он натянул штаны Цзянь Хэна и сразу надел куртку, даже не взяв футболку.

- Ты сейчас куртку надел?

Цинь Чэн развернулся. Цзянь Хэн смотрел на него, подпирая подбородок пальцами. Тон у него был спокойным.

- А, – значит то, как Цинь Чэн лихорадочно одевался, будто у него горел зад, не осталось незамеченным. Волоча поврежденную ногу, он храбро вышел наружу.

- Мне нужно домой вести стрим. Мама, скорее всего, уже спит, но, если нет, я не могу позволить ей увидеть, что подрался.

- Все равно стримить? - тон Цзянь Хэна был немного подавленным, словно он не ожидал от Цинь Чэна такой усердной работы. Нет, тон был не подавленным, скорее вопросительным.

Вопросительным? Зачем это ему спрашивать? Он такой яркий и позитивный молодой человек.

- Не буду стримить - у меня не будет идеальной посещаемости, - Цинь Чэн подошел к двери, что-то вспомнил и почесал затылок, а затем повернулся к нему. - У меня есть одна неловкая просьба.

- Ни за что, - ответил Цзянь Хэн.

У Цинь Чэна не осталось слов.

Автору есть, что сказать.

Автор сидит на краю кана, скрестив ноги, держит в руках чашку, попивает чаек и глубоко вздыхает. Ладно, эту книгу надо было назвать «Путь натурала к смерти»...

Древнекитайский текст, который ЦЧ читает в ванной, и который подхватывает ЦХ, называется «Пипа Син» [琵琶 (Pí pa Xín)]. Название переводится по-разному: «Песнь Пипы» или «Баллада о Лютне». Это поэма эпохи династии Тан, написанная в 816 году одним из величайших поэтов в истории Китая - Бо Цзюйи (772-846). В поэме описывается игра на пипе во время случайной встречи с исполнительницей на реке Янцзы. [Здесь поэма приводится в переводе Ю.К. Шуцкого из сборника «Антология китайской лирики» («Всемирная литература», Государственное издательство, М.-П. 1923)]

Примечания анлейтера

1. 霓裳 (ní cháng) - радужная одежда, которую носили восемь бессмертных. Это сокращение от архаичного 霓裳羽衣曲 (Ní cháng yǔ yī qǔ) - «Песня о радужных юбках и одеяниях из перьев».

2. 骝 (liù yāo) - название произведения эпохи династии Тан.

3. 解铃还须系铃人 (jiě líng hái xū xì líng rén) - буквально «отвязать колокольчик с шеи тигра».

Требование к человеку: кто повязал тигру колокольчик на шею, должен его и снять, то есть единственный, кто может решить проблему, – тот же, кто ее и создал. Это идиома, позаимствованная из басни, иногда воспринимается как пословица.

<http://bllate.org/book/13909/1274096>